

Малый театр в проходящем сезоне бурлил премьерными: «Таланты и поклонники», «Чудаки», «Свои люди — сочтемся» на сцене филиала, на основной сцене готовится «Чайка». Наибольшее «бурление» в среде критиков и журналистов вызвал спектакль по пьесе М. Горького «Чудаки»: практически ни одна центральная газета не обошла его своим вниманием, причем оценки вызвали полярные — от хвалебных до полного неприятия. Иной раз голова кругом шла: о том ли самом спектакле пишет критик? Причиной этого мог стать фатум, изначально заложенный в произведении: у него непростая сценическая судьба. Но, возможно, дело и в актере Александре Коршунове, как бы невзначай увлекшемся материалом, поставившем спектакль да еще сыгравшем главную роль писателя Константина Мастакова.

— Саша, вы ждали такого повышенного интереса к постановке?

— Благодарен за внимание к спектаклю, но, как говорит Мастаков, когда ругают — неприятно, когда хвалят — вредно. Положительные отзывы были все же приятны. Их больше, чем ругательных, и я, как зачинщик, радовался за похвалы в адрес актеров и художника Александра Глазунова, которых очень люблю.

— С чем, по-вашему, связано такое редкое неравнодушие рецензентов?

— Видимо, дело в авторе и в самой пьесе. Мне многие не советовали ставить ее: мало того, что это Горький, к которому сейчас очень сложное отношение, да еще и судьба пьесы такая непростая. Однако то, о чем в ней говорится, созвучно и нашему времени и важно для человеческой жизни вообще.

— Раз вы взялись ее ставить, то и вам самому она на душу легла?

— Без этого невозможно было бы что-то сделать. Мастаков — фигура сложная и противоречивая, совсем не герой, но натура творческого склада. В нем заложена потребность при любой внешней обстановке сохранять в себе веру в жизнеутверждающее начало. У самого Горького это было. Именно это и вызвало во мне первый отклик, потому что очень близко по духу. Мы приходим в наш театр и говорим: какое счастье, что у нас есть возможность заниматься классикой, не читать каждый день газет, забывая о том, как много трагедий сейчас происходит... Я понимаю, что это сознательный уход от жизни, но, наверное, он нужен для того, чтобы вернуться в нее в каком-то другом измерении, чтобы не поддаться какой-то пошлости и мелочам, которые наваливаются на человека каждый день.

— Нарекания со стороны критиков вызвала звучащая в спектакле музыка Моцарта, якобы несовместимая с духом Горького...

— У Эзюпери есть слова: «Моцарт погибает в каждом из нас». Мастаков смысл своего творчества выражает так: «Не могу без скорби и гнева видеть, как в человеке попирается божественное!» Это забота и главной героини его сказки — матери, которая молит Бога покарать за грех ее, а не дочь, что живет не венчаясь, — чтобы не потерялось в ее ребенке то божественное начало, те глаза, которые есть у каждого в детстве, а потом они куда-то теряются... Для Мастакова — это предмет его творчества, его жизненное кредо. Для Елены же, его жены, это любовь к нему, ощущение сути его натуры, которую она защищает и за которую постоянно борется. Она — герой, ее усилиями и терпением сюжет выводится к финалу, который есть в пьесе.

— Чрезвычайно сложно выступать сразу в двух качествах — режиссера и актера. Это была ваша первая режиссерская работа, и все же вы решились сыграть такую непростую роль.

— Я не собирался выходить на сцену. Главную роль должен был исполнять очень хороший актер Глеб Подгородинский, это его амплуа. Но в процессе работы стало ясно, что он очень молод. Дело не в том, что ему 25 лет, а в жизненном и актерском опыте. Пройдет какое-то время, и он обязательно выступит в этой роли. Вот так и возникла необходимость мне играть самому, поэтому, смотря с двух точек — изнутри и со стороны, понятно, что-то упускаю и там, и там. Однако никакой особой режиссерской работы я не вижу, это наш совместный труд, в который каждый внес определенный вклад. Думаю, этот спектакль такой, что он должен жить, расти и развиваться.

— Малый театр — храм самобытных традиций. Вам же ставят в вину измену им, усмотрев в постановке «поклон мхатовским канонам столетней давности», а также «программное недоверие режиссера к поступательной смене эпох в искусстве». Уже есть такая программа?

— Мхатовские традиции начального периода самые что ни на есть замечательные. И если нам удалось им последовать, то это никак не противоречит традициям Малого театра. Однако я не ставил целью следовать определенным канонам, а исходил из самой природы произведения. Режиссерской программы у меня нет. Но хочу поставить еще что-то. И меня греет в этом ответное желание актеров, занятых в «Чудаках».

Александр КОРШУНОВ:

ГЕНЕТИКА И СЦЕНА — ЧТО СИЛЬНЕЕ?

— Саша, ваша мама, Екатерина Ильинична Еланская, — известный режиссер-новатор, основатель и художественный руководитель театра «Сфера». Вы не поставили «Чудаков» на ее сцене, потому что выбрали традиционалистский путь?

— Я играю в «Сфере» в трех спектаклях — «Маленький принц», «Доктор Живаго», «Театральный роман». Очень люблю этот театр. Но работаю все-таки в Малом театре и больше связан с ним. Я пришел сюда в 1984 году, за год до назначения отца, актера Виктора Ивановича Коршунова, директором. Если бы он уже занимал эту должность, то я бы не стал актером Малого. Потом бывали такие ситуации, когда хотел уйти из него и уже разговаривал с другими режиссерами. Однако я так полюбил эту сцену, эти стены, а главное — людей, которые здесь работают, что не смог покинуть его.

— Известный театровед Борис Пожуровский не сомневался в том, что вы займетесь режиссурой. Вероятно, он связывает это и с вашей генетикой: мама — режиссер, отец тоже ставил спектакли на сцене Малого, дед Илья Яковлевич Судаков — режиссер Художественного театра, а затем — главный режиссер Малого. Вот только бабушка Клавдия Николаевна Еланская «слыховала»: она была просто всенародно известной актрисой. Кстати, одна из традиций Малого театра — это то, что в нем работают династии. Так повелось со времен его основания. Вы с детства были уверены, что театр — ваша судьба?

— Нет, такой уверенности у меня не было очень долго. И, Боже упаси, взрослые мне никогда не внушали, что я непременно должен стать актером или режиссером. У меня был период серьезного увлечения рисованием, я даже хотел по этой линии пойти. Когда учился в 10-м классе, мама собрала мои рисунки, и мы поехали к Пименову. Тот сказал, что попросит своего знакомого художника Исаака Рубинштейна позаниматься со мной. Я ходил к нему несколько месяцев, испытывая, однако, чувство неловкости, потому что еще не был до конца уверен в выборе профессии. Одновременно стал готовить репертуар для поступления в театральный вуз. Так и получилось: закончив школу, решил поступить в Школу-студию МХАТ. Учился у Виктора Павловича Манюкова, а также у Виктора Яковлевича Станицына, Киры Николаевны Головки, Леонида Владимировича Харитоновна.

— Илья Судаков и Клавдия Еланская — знаменитые театральные имена. Не могли бы вы поделиться воспоминаниями о них?

— Дедушку, Илью Яковлевича, парализовало еще за два года до моего рождения. Я, к сожалению, помню его только больным. 17 лет он жил в таком состоянии. Но, несмотря на это, он был в ясном сознании и работал над книгой.

Целиком она не издана, а была напечатана только во фрагментах в журнале «Волга». В истории театрального искусства это — фигура, я считаю, не оцененная и даже трагическая. Что греха таить, очень многое из того, что он сделал, потом приписали Станиславскому. Посмотрите на афише тех лет, когда он ставил на сцене Художественного театра «Дни Турбиных» или «Бронепоезд 14-69»: режиссер — И.Я. Судаков, а по-

том стало считаться, что эти и другие спектакли поставил сам Станиславский. Затем была работа в Малом театре. До сих пор старшее поколение вспоминает его постановки. Недавно как-то по радио я услышал запись спектакля Малого театра «Уриэль Акоста» в постановке И.Я. Судакова. Это была радиокомпозиция. За этим вставало такое мощное действо! Чувствовалась очень талантливая рука. Это был какой-то невероятной энергии и работоспособности человек! Он брался за все, сам играл много. У него была феноменальная память: он мог за ночь выучить большую роль и на следующий день уже выступить в спектакле, — поэтому его все время просили выручать. Одна из причин его теперешнего забвения — это его приверженность революционной теме, которая совсем не модна сейчас. Но ни в 1905 году, ни позднее его никто не заставлял идти на баррикады. Его участие в революционном движении было искренним, так же, как и любовь к этой теме в искусстве...

— А Клавдия Николаевна Еланская была из театральной семьи?

— Нет, она была из семьи служащих, отец был железнодорожным конторщиком. Родители были категорически против ее увлечения сценой. Когда она все же пошла в театр, отец проклял ее, выгнал из дома. И она долго жила в общестях, пока училась. Это была удивительная женщина, исключительно сильной воли. Когда в 1914 году началась война, она решила стать медсестрой (а было ей тогда 16 лет), потому что в такой тяжелый момент нужно быть полезной Родине. Годы два в Москве ухаживала в госпиталях за ранеными. Потом поняла, что максимальную пользу человек может принести, занимаясь любимым делом. Вот тогда-то она и оказалась во второй студии Художественного театра. Здесь они встретились с дедушкой и поженились.

— Принадлежность к элитарной театральной фамилии во многом облегчает вам жизнь. Но, с другой стороны, приходится постоянно доказывать, что вы и сами на что-то способны.

— В юные годы я очень болезненно воспринимал пересуды по поводу того, из какой я семьи. А сейчас меня уже перестало все это волновать, потому что нужно либо уходить, либо делать свое дело. Я понимаю, что в каких-то вопросах это помогает. Но в конечном итоге если твоя работа никуда не годится, то не спасут ни бабушка с дедушкой, ни папа с мамой. А руководство Малого театра — художественный руководитель Ю.М. Соломин и директор В.И. Коршунов — спектакль «Чудаки» не разрешили бы выпустить только потому, что его поставил я. Они же не самоубийцы.

Беседовала Маргарита МАРУТЯН

А. КОРШУНОВ (в роли Мастакова) и О. ПАШКОВА (в роли Елены). Спектакль «Чудаки».